

КАЛУЖСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 9.

1869.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Мая 15.

I.

Относительно измѣненія порядка пріема и возврата дѣтей, отдаваемыхъ въ С. Петербургскій и Московскій воспитательные дома

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Прявительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 6-го минушаго Марта за № 989, съ приложсіемъ отношенія Его Императорскаго Высочества Главно-управляющаго IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за № 1118, относительно измѣненія порядка пріема и возврата дѣтей, отдаваемыхъ въ С. Петербургскій Воспитательный домъ. Въ отношеніи Его Императорскаго Высочества объяснено: С. Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, въ Декабрь 1867 года, увѣдомилъ Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, для зависящихъ распоряженій по духовному вѣдомству, (*) о Высочайше утвержденныхъ и впоследствии распубликованныхъ въ указъ Правительствующаго Сената, отъ 1-го Декабря 1867 года, новыхъ правилахъ для пріема и возврата незаконнорожденныхъ дѣтей, отдаваемыхъ въ С. Петербургскій Воспитательный домъ. Нынѣ Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Его Высочества, согласно заключенію

(*) См. Епарх. Вѣдом. 1868 г. № 3.

особой Высочайше утвержденной Коммисіи для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній по обоимъ Воспитательнымъ домамъ, благоволивъ, принять на видъ, что редація 1-го и 3-го пунктовъ указа Правительствующаго Сената, отъ 1-го Декабря 1867 года, подала поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ на практикѣ, 17-го Февраля сего года Всемилостивѣйше повелѣть соизволили: редакцію означенныхъ пунктовъ измѣнить слѣдующимъ образомъ: пунктъ 1-й. «Дѣтей, приносимыхъ въ Воспитательный домъ до отпаденія у нихъ пуповины, принимать туда безпрепятственно во всякое время дня и ночи, какъ это дѣлается и въ настоящее время.» Пункт. 3-й. «Дѣтей, приносимыхъ въ Воспитательный домъ послѣ отпаденія пуповины, принимать не иначе, какъ крещеными, съ представленіемъ установленнаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи ребенка, которое, по желанію родителей, можетъ быть представлено открытымъ или вложеннымъ въ запечатанный конвертъ. Въ семъ послѣднемъ слѣчаѣ на конвертъ должна быть слѣдующая надпись:—Свидѣтельство незаконнорожденнаго ребенка (имя рекъ, но безъ фамиліи), родившагося (такого-то) года, мѣсяца и числа, выданное (такой-то) губерніи (такого-то) уѣзда (такого-то) города или села, Священникомъ (такой-то) церкви (имя рекъ). Самый же конвертъ долженъ быть запечатанъ непременно церковною печатью.» Въмѣстѣ съ тѣмъ Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть: изложенныя въ указѣ Правительствующаго Сената, отъ 1-го Декабря 1867 года, правила для приѣма и возвращенія дѣтей, распространить, въ новой ихъ редакціи, и на Московскій Воспитательный домъ, начиная съ 1-го Мая 1869 года, впредь по 1-е Мая 1870 года, т. е. въ видѣ опыта на одинъ годъ. Сообщая о таковой Монаршей волю, Его Императоръ.

ское Высочество просить о зависящем распоряженіи, чтобы на будущее время духовенство всѣхъ Православныхъ церквей безъ замедленія и безпрепятственно выдавало, по вновь установленной формѣ, запечатанные конверты съ метрическими свидѣтельствами незаконнорожденныхъ дѣтей, приносимыхъ въ оба Воспитательные дома. При семъ, препровождая сто экземпляровъ печатныхъ конвертовъ для образца, Предсѣдатель С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта присовокупляетъ, что таковыя конверты могутъ быть высылаемы въ С. Петербургскую и сосѣднія съ нею епархіи изъ Правленія С. Петербургскаго Воспитательнаго дома, а въ Московскую и ближайшія къ ней епархіи—изъ Управленія Московскаго Воспитательнаго дома, II по справкѣ Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи дать знать Епархіальнымъ Преосвященнымъ, для зависящихъ распоряженій, указами, съ приложеніемъ экземпляровъ конверта. Апрѣля 4 дня 1869 года.

Форма конверта.

Метрическое свидѣтельство незаконнорожденнаго ребенка _____ года _____ мѣсяца _____ дня, выданное _____ губерніи, _____ уѣзда, села (города) _____ священникомъ _____ церкви

Конвертъ долженъ быть запечатанъ ясно церковною печатью.

II. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Опредѣлены:

1. На священническую вакансію мешовскаго уѣзда, въ село *Новоселки*,—протоіерей минской епархіи, *Николай Лойко*,—мая 13.

2. На священническую вакансію мешовскаго уѣзда, въ село *Щетиново*,—священникъ медынскаго уѣзда, села *Челищева*, *Александръ Гречаниновъ*,—мая 11.

3. На дячковскую вакансію калужскаго уѣзда, въ село ближнюю *Борщовку*,—сторожъ Каѳедральнаго Собора *Иванъ Бьялевъ*,—мая 7.

Уволенъ изъ духовнаго званія, по прошенію, для избранія другаго рода жизни, исключенный изъ средняго отдѣленія Калужскаго училища, калужскаго уѣзда, села *Андроновскаго*, пономарскій сынъ, *Василій Лебедевъ*.—мая 1.

Уволенъ изъ Калужскаго епархіальнаго вѣдомства, въ сѣверо-западный край, по прошенію, уволенный изъ низшаго отдѣленія Калужской Семинаріи, жидринскаго уѣзда, села *Людинова Завода*, священническій сынъ, *Иванъ Батаминъ*,—апрѣля 7.

Преподано благословеніе Св. Синода, по представленію Его Преосвященства, Наставникамъ Калужской Семинаріи: *Дмитрію Лужецкому* и *Федору Измайлову*,—указомъ Св. Синода отъ 14 апрѣля сего 1869 года.

Назначена пенсія за 35-лѣтнюю безпорочную службу, указомъ Св. Синода отъ 30 апрѣля сего 1869 г.

1. Священнику калужскаго уѣзда, села *Дугвинскаго Завода*, *Василію Школьскому*, по 90 р. съ 10 января сего 1869 г.

2. Вдовѣ священника малоарославецкаго уѣзда, села *Смахтина*, *Георгія Федорова*, *Матронъ Федоровой*, по 55 р., съ 26 января сего 1869 г.

Члѣвъ Консисторіи, Каѳедральнаго Собора Протоіерей *Матвій Петелкинъ*.

Секретарь *А. Воронцовъ*.

ПРИВАВЛЕНІЯ

КЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 9.

1869.

15 Мая.

Содержаніе. Слово.—Кому поручить народное образованіе? —
Извѣстіе.—Объявленіе.

С Л О В О

на обновленіе храма (*).

*Освятѣ Господи любящія благомыслие дому Твоего:
Ты тѣхъ воспрослави Божественною Твоею силою
(Мол. Заамв.).*

Такъ св. Церковь, устами служителей своихъ, при каждой Божеств. Литургіи молится Господу о тѣхъ усердствующихъ, кои часть имущества своего добродетельно употребляютъ на устроение, или на украшеніе храма Божія, по благочестивой любви къ благомыслию онаго. Признательная таковымъ благочестивымъ чадамъ своимъ, за ихъ любовь и уваженіе къ святыни,—с. Церковь молится за нихъ при каждомъ общественномъ Богослуженіи. При каждой Вечерни и Утрени она непрестанно возноситъ ко Господу свою прилежную молитву о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святѣхъ и всесестнѣхъ храмъ сѣмъ;—при каждомъ Богослуженіи испрашиваетъ имъ благоволеніе и милости Отца небеснаго. Блаженны убо тѣ благочестивые рабы Божіи, кои такъ благо-

(*) Сказанное Высокопреосвященнѣйшимъ Григоріемъ, Архіепископомъ Калужскимъ и Боровскимъ.

льпно украсили св. храмъ сей. Богоугодное и Боголюбивое усердіе сіе неизгладимо записано въ книгѣ живота ихъ, и никогда не будетъ забыто у Бога. Отсель храмъ сей, устами служителей своихъ, будетъ, непременно будетъ возсылать молитвы свои къ Богу объ ихъ вѣчномъ спасеніи; будетъ просить Господа, да освятитъ ихъ и воспрославитъ своею Божественною силою; за ихъ дары земные, тлѣнные будетъ испрашивать имъ блага небесныя, нетлѣнныя. Такъ, бр., благоустройство и благоуукрашеніе храма Божія есть дѣло весьма доброе, Богоугодное, душеспасительное. Почему оно и именуется благотвореніемъ, а совершающіе оное благотворителями прославляются.

Слыша сіе, нѣкоторые изъ васъ, бр., быть можетъ думаютъ про себя: „хорошо богатымъ: у нихъ есть изъ чего благотворить; есть изъ чего жертвовать и на устроеніе и на украшеніе храма Божія. Намъ же бѣднымъ не до благотворенія: хотя бы душу свою прокормить“. Правда, что люди, имѣющіе состояніе достаточное, могутъ и должны благотворить, т. е. жертвовать на Церковь Божию преимущественно. Правда, что тѣ, кои сами получили отъ Бога блага земныя въ большей мѣрѣ, могутъ и должны приносить Богу дары въ большемъ количествѣ, дабы исполнилось слово апостольское: *яко по силѣ ихъ доброты* (2 Кор. 8, 3.). Но и скудное состояніе не освобождаетъ, бр., никого отъ священнаго долга сего. Ап. Павелъ говоритъ всѣмъ хрістіанамъ, всѣмъ безъ исключенія, и богатымъ и бѣднымъ: *благотворенія и общенія не забываютъ: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр 13, 16). Всѣ мы, бр., не избилующіе благами и въ скудости находящіеся, должны быть равно благодарны Господу Богу за то, что имѣемъ, и за великое

и за малое. Ибо все имѣемъ отъ Его благодати. Всѣ мы должны равно любить благолѣпіе дому Божіа и всемѣрно стараться о поддержаніи онаго. А посему всѣ должны, непременно должны жертвовать на это, разумѣется, по мѣрѣ силъ своихъ, по мѣрѣ состоянія своего: богатый больше, небогатый меньше,—подобно тому, какъ великая туча даетъ большій дождь, а малая туча даетъ малый дождь, но та и другая равно исполняетъ волю Божию на пользу нашу.

Люди цѣнятъ благотворенія преимущественно по видимому количеству оныхъ; люди уважаютъ и прославляютъ благотворителей такихъ только, кои дѣлаютъ пожертвованія значительныя, или многоцѣнныя. Но сердцевѣдецъ Господь цѣнитъ ихъ иначе, именно по мѣрѣ нашего усердія и охоты къ жертвованіямъ, по силѣ нашего желанія угодить Ему. Господь смотритъ болѣе на то расположеніе сердца, съ какимъ дѣлается приношеніе. Иерусалимская вдова, упоминаемая въ Евангеліи, была убогая, имѣла состояніе бѣдное, а посему положила въ кружку церковную только двѣ лепты, двѣ самыя мелкія монеты. Пожертвованіе повидимому ничтожное, незаслуживавшее никакаго вниманія; но сердцевѣдецъ Господь оцѣнилъ оно такъ высоко, что предпочелъ всѣмъ богатымъ вкладамъ другихъ жертвователей. *Воистину*, сказалъ Онъ ученикамъ своимъ, *яко вдова сія убогая мнозіе вспѣхъ сверже* (Лук. 21, 3). Почему такъ? Потому что всѣ богатіи отъ избытка своего *вергоша дары Богови* (Лук. 4),—сдѣлали это безъ всякаго затрудненія для себя; а вдова отъ *миснія своего*—отъ скудости своей *все житіе, еже имѣ, сверже*, положила т. е. послѣднее, уповая на милость Бога, неоставляющую усердныхъ жертвователей. Такъ усердіе бѣдной вдовы возвысило въ очахъ Господа ея скудное приношеніе. За двѣ лепты

доброхотнаго подаванія она причислена Имъ къ благотворителямъ храма святаго. Послѣ сего кто изъ насъ можетъ сказать, не оскорбляя совѣсти, что ему не до благотворенія? Очевидно, никто изъ имѣющихъ какое либо достояніе. А посему удѣлай каждый на храмъ Божій, что можешь (2 Кор. 9, 7). Много ли, мало ли можешь, только удѣлай съ усердіемъ, съ добрымъ расположеніемъ сердца, какъ совѣтуетъ премудрый Сирахъ: *даждь Вышнему по даванію Его, и окомя блзгимъ приобрѣтеніе руки* (Сир. 35, 9): и будь увѣренъ, что жертва твоя будетъ пріятна, благоугодна Богу. *Доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2. Кор. 9, 7). *Аще бо усердіе предлежитъ, по елику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику неимать* (2. Кор. 8, 12).

Въ законѣ, который далъ нѣкогда Господь евреямъ, такъ заповѣдалъ имъ: *начатки отъ гумна и отъ точила твоего да не косиши принести Мнѣ. Первенцы сыновъ твоихъ да даси Мнѣ. Тако сотвориши телцу твоему, и овцу твоей, и ослу твоему* (Исх. 22, 29. 30). *Начатки первыхъ житъ земли твоея да внесеши въ домъ Господа Бога твоего* (— 23, 19). *Десятины да даси отъ есего плода съмене твоего, плодъ нивъ твоихъ отъ года до года: десятину пшеницы твоея, и вина твоего, и елея твоего: да благословитъ тя Господь Богъ твой во ествѣхъ дѣлъ твоихъ, яже аще сотвориши* (Второз. 14, 22. 23. 29). По силѣ сего закона каждый еврей не прежде начиналъ пользоваться какою либо новиною пашни, или сада, какъ принесши начатокъ въ храмъ, для жертвы Богу; а изъ приплода животныхъ обращаемы были на это всѣ первородные. И изъ всего, что въ теченіе года прибрѣталъ еврей чрезъ земледѣліе, или торговлю, либо чрезъ мастерство какое и искусство, либо чрезъ промыселъ, изъ всего непременно при-

носилъ во храмъ десятую долю, какъ священную дань Богу за Его благословеніе и помощь. Такимъ образомъ каждый еврей зналъ мѣру, въ какой онъ долженъ былъ дѣлать приношенія во храмъ. И благочестивый человекъ почиталъ за тяжкій грѣхъ не только умалять начатки свои, но и десятины освящать безъ веселія душевнаго, не охотно (Сир. 35, 7 и 8). Кромѣ сего была еще у евреевъ заповѣдь относительно собранія во храмъ на три великіе праздника, таковая: *да не явишися предъ Господомъ Богомъ твоимъ тощъ* (Второз. 16, 16), съ пустыми т. е. руками, безъ дара приличнаго празднику.

Заповѣди сіи, заповѣди о начаткахъ, десятинахъ и праздничныхъ приношеніяхъ, хотя не перенесены буквально въ Евангеліе Христово, и не поставлены намъ христіанамъ въ непремѣнную обязанность: тѣмъ неменѣе однакоже онѣ достойны нашего, бр., вниманія и исполненія, какъ руководство къ угожденію Богу. Кто хочетъ изъяснить Господу свою благодарность и свою готовность служить Ему, кто хочетъ, чтобы Господь благословилъ дѣла его, кто желаетъ исполнить свой долгъ ко храму и къ служителямъ его: тотъ долженъ, непременно долженъ поступать соотвѣтственно вышеприведеннымъ заповѣдямъ. Исполненіе оныхъ не поставлено намъ въ обязанность, но предоставлено нашему усердію для того, чтобы наши жертвы, наши приношенія были совершаемы не съ ограниченіемъ и не принужденно, а отъ добротства, отъ добраго произволенія, и такимъ образомъ являлись болѣе пріятными и благоугодными Богу. *Добротна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7).

Христіане первыхъ временъ, какъ свидѣтельствуеть исторія, не пропускали ни одного праздничнаго, ни одного воскреснаго дня безъ того, чтобы они не приходили

во храмъ св. за службы Божіи. Приходя же во храмъ, каждый мужчина и каждая женщина почитали непремѣннымъ долгомъ своимъ дѣлать приношенія, кто сколько могъ: Кто приносилъ просфоры, а кто вино церковное, кто свѣчи, а кто масло, или ладанъ. Другіе жертвовали иными вещами изъ своего достоянія, а прочіе деньгами: и такимъ образомъ всегда обильно снабждали церковь свою всѣми потребностями, и давали ей возможность не только соблюдать благолѣпіе, и содержать причтъ въ довольствѣ, но и пропитывать всѣхъ бѣдныхъ вдовицъ и сиротъ, кои привитали у храма своего (1 Тим. 5, 16).

То ли видимъ нынѣ въ мірѣ христіанскомъ? И нынѣ, слава Богу, еще не оскудѣли усердствующіе ко храмамъ, какъ показывается храмъ сей. Но какъ много теперь есть на свѣтѣ и такихъ храмовъ, кои не видятъ никакихъ приношеній отъ прихожанъ своихъ; а есть и такіхъ не мало, кои и самыхъ прихожанъ своихъ рѣдко видятъ въ стѣнахъ своихъ, даже въ великіе праздники Божіи. Нынѣ иной въ цѣлый годъ не соберется поставить въ церкви свѣчу Богу; а между тѣмъ каждый почти праздничный день побываетъ въ корчемницѣ и погубляетъ тамъ весь заработокъ свой. Нынѣ иная въ цѣлый годъ не соберется принести въ церковь полотенцо какоенибудь, или лоскутъ холста; а между тѣмъ нарядами своими, да уборами дорогими старается превзойти всѣхъ подругъ своихъ. Нынѣ всѣ щедры и расточительны на свои прихоти и удовольствія, на сласти и наряды: напротивъ скупы, весьма скупы на благотворенія, на приношенія Богу. Сыны и дщери въка сего нещадно иждиваютъ состояніе, тратятъ сотни и тысячи рублей на удовольствіе міру и плоти своей; а на служеніе Богу, а на пользу душъ своей жалуютъ рублей и копѣекъ, какбы дѣло это было

вовсе излишнее и не относящееся къ нимъ. Да, оскудѣло, бр., оскудѣло на свѣтъ усердіе къ благо-твореніямъ; а посему и милости Божіи къ намъ оскудѣли и еще оскудѣвають. Скупы стали мы на подаванія въ храмъ святой, на дѣла во славу Божию, посему и Господь сокращаетъ свое благоволеніе къ намъ. И конечно еще болѣе сократить оное, ежели мы, бр., не образумимся и не перестанемъ во зло употреблять даровъ Его. Кто скудно съеть: у того и жатва выходитъ скудна, по справедливости (2 Кор. 9, 6).

Братія христоименитая! Всѣ мы желаемъ, всѣ мы стараемся о томъ, чтобы какъ можно лучше устроить свое счастье, чтобы какъ можно больше возвысить и упрочить свое благосостояніе; къ сему напрягаемъ всѣ наши силы, на это обращаемъ всѣ наши труды, все наше время. Не забудемъ же при семъ, что для достиженія желаемого необходимы между прочимъ благо-творенія, необходимы приношенія Богу, необходимы пожертвованія на Его храмы святыя—необходимы какъ выраженіе нашей благодарности къ Нему за Его великія милости; необходимы какъ доказательство нашего послушанія Его святой волѣ; необходимы и какъ средство къ полученію Его благословенія на дѣла наши. *Доброхотна бо датель любитъ Богъ.* То, что мы тратимъ на свои нужды, или на свои прихоти, все это тратится безвозвратно; даже обращается во вредъ намъ, когда мы употребляемъ дары Божіи на дѣла противныя Богу. А то, что мы жертвуемъ на Церковь, что приносимъ въ дары Богу, все то, бр., переносится на небо, переносится въ сокровищницу небесную, гдѣ оно не только соблюдается для насъ на жизнь вѣчную; но и принесетъ намъ великую лихву

блаженства райскаго, по благости Божіей. *Таковыми бо жертвами благоугождается Богъ.*

Будемъ убо, бр., не только въ умъ держать всегда, но и самымъ дѣломъ исполнять посылно сію заповѣдь апостольскую: *благотворенія и общенія не забывайте*, да и насъ Церковь св. сопричислитъ къ блаженнымъ благодѣтелямъ храма, и молиться не престанетъ ко Господу о нашемъ освященіи и спасеніи. *Аминь.*

Кому поручить народное образованіе?

Этотъ вопросъ, очень недавно и очень громко раздавшійся въ разныхъ углахъ Россіи, на разныхъ земскихъ собраніяхъ, приводитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Ужели, думали мы, до сихъ поръ ни правительство наше не образовало и не избрало надежныхъ сельскихъ учителей, ни общество не отыскало въ своей средѣ способныхъ и достойныхъ дѣятелей для народа, ни духовенство, всегда учительствующее въ народной средѣ, не оказало должныхъ услугъ народному образованію? Нѣтъ. Правительство издавна принимало и предпринимаетъ лучшія мѣропріятія для поднятія уровня и надлежащей, правильной и прочной постановки народнаго образованія;— общество гласно заявляло и заявляетъ свои стремленія и симпатіи къ просвѣщенію народа и готово выдѣлить изъ своей среды полезныхъ дѣятелей для него; а духовенство, искони отвѣчающее духовнымъ интересамъ и нуждамъ народной жизни, не щадитъ и не щадитъ своихъ трудовъ для развитія и возвышенія народнаго образованія. Итакъ что же значитъ поставленный нами и волнующій теперешнее земство вопросъ? То, что у насъ недочетъ въ безукоризненно-дѣльныхъ сельскихъ наставникахъ, а главное,— что наши земскія собранія слишкомъ разнообразно понимаютъ и оцѣниваютъ требованія народнаго обученія, а потому затрудняются въ выборѣ хорошихъ наставниковъ по своему усмотрѣнію и не могутъ придти къ рѣшительному и единомысленному заключенію о томъ, кто долженъ учительствовать въ начальныхъ, народныхъ школахъ. При разнообразномъ пониманіи задачи, цѣли и характера народнаго образованія, а равно—правъ и обязанностей сельскихъ

учителей всегда возможны и даже неизбежны разнорѣчія, прѣнія, недоумѣнія. И вотъ мы видимъ, что одни члены земскихъ собраній (знакомые съ исторіею народнаго просвѣщенія и многолѣтнимъ, просвѣтительнымъ вліяніемъ духовенства) утверждаютъ, что право учительства въ народныхъ школахъ всего больше принадлежитъ духовенству, какъ сословію, наиболее знакомому съ интересами, потребностями и расположеніями духовной жизни народа, и всего больше потрудившемуся на учительскомъ поприщѣ въ начальныхъ школахъ,—другіе (не питающіе должнаго уваженія къ просвѣтительнымъ трудамъ духовенства и желающіе ввести въ народную жизнь, такъ называемое, свѣтское образованіе) самоувѣренно высказываютъ, что духовенство не разовьетъ народной интеллигенціи, не поведетъ народъ по пути свѣжаго прогрессивнаго образованія и не возметъ въ немъ свѣточъ новаго просвѣщенія, а потому желаютъ поручить народныя школы лицамъ свѣтскаго званія,—иные члены земскихъ собраній (заботящіеся объ обособленіи сословныхъ элементовъ) настоятельно требуютъ, чтобы народными учителями были исключительно лица изъ народной среды, которымъ нужно дать доступъ въ уѣздныя училища, на педагогическіе курсы, и для которыхъ нужно открыть, какъ можно больше, учительскихъ семинарій,—нѣкоторые, болѣе оригинальные члены земства, рѣшались публично заявить (и кажется заявляли), что самыми полезными и пригодными народными учителями могутъ быть только воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній—университанты, которымъ слѣдуетъ назначить высокое жалованье,—наконецъ многіе невзыскательные и неприхотливые дѣятели земства открыто высказываютъ, что должность народныхъ учителей въ состояніи занять отставные унтеръ-офи-

церы и даже востыя (т. е. болышею частію неграмотныя) деревенскія женщины. Приводя всѣ эти разнорѣчивыя мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ земства къ одному знаменателю, мы ничего опредѣленнаго не получаемъ въ результатъ и роковой вопросъ, кто долженъ учительствовать въ с. народныхъ школахъ,—остается опять и снова на очереди.

“Если бы меня спросили, замѣтилъ газскій митрополитъ Павсій, какіе столпы Церкви и Государства,—то я бы отвѣтилъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища, и въ третьихъ училища“. Эти мудрыя слова высокопросвѣщеннаго въ свое время митрополита ясно показываютъ, что вопросъ о народныхъ школахъ, (1) а съ тѣмъ неразлучно и народныхъ учителей, вопросъ серьезной важности и крупнаго, церковнаго и государственнаго интереса. Поэтому-то наши осмотрительные и благочестивые предки, приступая къ рѣшеніямъ важныхъ учебныхъ вопросовъ, напередъ очищали себя молитвою и просили Господа, дабы Онъ ниспослалъ имъ мудрость и кротость для предстоящаго дѣла. Обычай этотъ тѣмъ особенно поучителенъ, что ярко представляетъ намъ смиреніе и кротость людей въ рѣшеніи важнѣйшихъ и сложныхъ вопросовъ общественной жизни. Въ наше скудное и тонщее духовною силою время величавая и чудная сила былаго, благоговѣйнаго настроенія смѣнилась далеко несоотвѣтственною силою небогатаго знанія, шаткаго опыта и обманчивой самонадѣянности и самомнительности. Отсель-то раздробленность, запутанность, поверхностность, неосмотрительность, и неосторожность въ рѣшеніи

(1) Нужно замѣтить, что означенный митрополитъ 17-го ст. разумѣлъ здѣсь народныя училища, въ обширномъ смыслѣ понимаемыя.

вопроса для земства—вопроса о народных школахъ и ихъ учителяхъ. Не дерзаемъ осуждать современныхъ намъ членовъ земства, но попытаемся съ безпристрастіемъ и подобающею дѣлу внимательностію представить посильный отвѣтъ на поставленный нами и поставляемый въ земскихъ собраніяхъ вопросъ.

Великіе, безпристрастные и авторитетные судьи въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ жизни—исторія и опытъ. Кто же, по ихъ голосу, больше всего имѣетъ право учительствовать въ народныхъ школахъ? Духовенство.

Православная Русь, изначала вѣрная своей богооткровенной вѣрѣ, еще съ незапамятныхъ временъ признала власть учительства за духовенствомъ. И оно, поставленное на высокой чредѣ, оказывало широкое и могущественное, образовательное вліяніе на все сословія и сферы русской жизни. Русское духовенство, ⁽¹⁾ издревле составлявшее лучшую и образованную часть общества, предназначало и предназначало рѣшенія серьезныхъ и сложныхъ общественныхъ вопросовъ, руководило умственнымъ и религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ народа и заправляло всѣмъ ходомъ его духовной жизни. “Оно, по мѣткому выраженію лѣтописца, твердо управляло своя дѣти и всегда поучало ихъ словесы духовными.” Просвѣтительное вліяніе духовенства до того было высоко и могуче, что до 18-го вѣка у насъ не было

(1) Разумѣемъ и будемъ разумѣть подъ духовенствомъ преимущественно священнослужителей. Нисшіе, малообразованные члены церковнаго причта не безъ справедливости устраняются отъ учительства въ с. школахъ.

свѣтскихъ школъ. Вездѣ, всегда, впереди всѣхъ шло и несло съ собою знаменіе просвѣщенія одно только духовенство. Но оно не потеряло принадлежащей ему силы и права учительства и послѣ 18 ст., когда, съ развитіемъ цивилизаціи и устройствомъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, стала видимо уменьшаться, въ размѣрахъ своей примѣнимости, его учительская и образовательная дѣятельность (1). Духовно-вліятельная сила духовенства удержалась въ свѣтскихъ школахъ и всецѣло сохранилась въ духовныхъ и народныхъ училищахъ... Таково, въ общихъ чертахъ, историческое положеніе духовенства въ отношеніи къ русскому и особенно *народному* образованію!.. Если благоразуміе требуетъ прислушиваться къ безпристрастнымъ урокамъ исторіи, а не къ стихійнымъ выдумкамъ своемыслія: то земству не трудно заключить, кто пріобрѣлъ дѣломъ и купилъ, цѣною вѣковыхъ трудовъ, право и власть учительства въ народныхъ школахъ!

За учительство духовенства въ народныхъ школахъ очень много говорить и живой опытъ. Пока нѣкоторые члены земства рыскали и перерѣшали различныя вопросы о народномъ образованіи и выработывали мнѣнія и проекты о народныхъ учителяхъ,—современное духовенство тихо и скромно, но энергично, дружно, и почти самоотверженно работало въ сотняхъ и тысячахъ народныхъ училищъ, раскинутыхъ по лицу Россіи и прочно залагало фундаментъ для надлежащей постановки народнаго образованія. Вотъ что читаемъ мы въ официальномъ документѣ о современной дѣятельности духовенства:

(1) Отъ духовенства въ это время отошла въ школы большая часть свѣтскихъ наукъ.

„трусами духовенства цѣлыя сотни тысячъ подрастающаго поколѣнія народа отъ жалкой, обидной жизни отвлекаются къ жизни церковной школы, гдѣ нѣтъ ежедневныхъ примѣровъ грубости и невѣжества, гдѣ понемногу пробуждаются и обогащаются добрыя силы человѣческой природы, гдѣ и уму дается добрая пища, и сердцу теплое чувство. Трусами духовенства приготавливаются въ этихъ юныхъ поколѣніяхъ цѣлыя сотни тысячъ будущихъ христіанскихъ отцевъ и матерей. Эти труды духовенства тѣмъ выше, чѣмъ они безкорыстнѣе. Не прибыль вещественная ведетъ священника учить и назидать въ школѣ: его дѣятельность тамъ безмездна: она даже соединяется съ великою, при бѣдности православнаго духовенства, жертвою. Многочисленны примѣры, что священнослужители въ ихъ убогихъ домахъ отводятъ помѣщеніе для школы и на скудныя средства покупаютъ учебныя пособія для школы» (1). Эти слова, взятые изъ живаго, бьющаго въ глаза, опыта и проникнутыя чувствомъ теплаго и нелицепріятнаго уваженія къ усиленной и неослабно-груженнической дѣятельности духовенства среди народа, ясно и убедительно показываютъ, что обученіе и воспитаніе подрастающаго поколѣнія всего основательнѣе поручить духовенству. Если опытъ считается лучшимъ защитникомъ и рѣшителемъ известныхъ положеній: то современная дѣятельность духовенства на поприщѣ народнаго образованія не должна допускать и тѣни сомнѣнія въ справедливости сдѣланнаго вывода относительно учительской прерогативы духовенства въ начальныхъ школахъ (2).

(1) Изъ отчета Оберъ-Прок. Св. Синод. за 1867 г.

(2) До какихъ размѣровъ и въ какихъ предѣлахъ допускаема учительская дѣятельность духовенства,—это всего лучше рѣшать благоразуміе земства и досугъ духовенства.

Къ тому же выводу придемъ мы и въ томъ случаѣ, если обратимъ вниманіе на характеръ и духъ, задачу и цѣль обученія въ начальныхъ, сельскихъ училищахъ. По смыслу законодательнаго положенія начальныя школы должны быть рассадниками и центрами религиозно-нравственнаго образованія народа. Ближайшая задача ихъ—распространить въ темной массѣ истинное, христіанское просвѣщеніе, а соотвѣтственно этой задачѣ цѣль—образовать, какъ можно больше, честныхъ и трудолюбивыхъ дѣтей въ народной средѣ и приготовить достойныхъ, христіанскихъ семьянъ. Очевидное дѣло, что народныя учителя обязаны оживить и возрастить религиозно-нравственныя потребности народа, развить ихъ до полноты и живости чувства, возвысить до крѣпости и стойкости убѣжденія и твердо охранить ихъ отъ приражающихся къ нимъ новомодныхъ воззрѣній маловѣрія и вольнодумства, могущихъ поколебать священныя твердыни вѣры младенцевъ по вѣрѣ, влающихся всякимъ вѣтромъ ученія. Но кто, какъ не духовенство, разовьетъ силою слова Божія, возраститъ мудрымъ ученіемъ Церкви, соблюдетъ требованіями Божественнаго закона и охранитъ щитомъ вѣры и учительской власти—религиозно-нравственное образованіе народа?.. Оно для сей цѣли звано и избрано и сей цѣли служить и послужить: И было бы большею ошибкою и несправедливостію, если бы оно стало, прямо или косвенно, устраняться отъ присвоеннаго ему исторіей и опытомъ учительства въ начальныхъ школахъ.

Несправедливо и ошибочно устранять отъ учительскихъ занятій въ с. школахъ и тѣхъ лицъ, которые вышли изъ духовныхъ школъ и больше другихъ пособничествовали и пособничаютъ духо-

венству въ народномъ просвѣщеніи. Большинство этихъ лицъ, получивши основательное богословское образованіе, вполне можетъ, подъ охранительнымъ и руководительнымъ началомъ своего образованія, вѣрно понимать, правильно оцѣнивать и твердо охранять и развивать религіозно-правственныя потребности народа, или иначе, доставлять ему то самое образованіе, котораго онъ ищетъ и въ которомъ наибаче нуждается. Но вѣдь эти лица, давно усердствующіе въ начальныхъ школахъ, не оказали удовлетворительныхъ успѣховъ—говорятъ нѣкоторые просвѣтителы народа? Согласны съ тѣмъ, что плоды кропотливой дѣятельности народныхъ учителей иногда оказывались и оказываются незамѣтными, незначительными и даже неудовлетворительными. Но кто знаетъ матеріальную и учебную обстановку нашихъ народныхъ школъ и бытовую жизнь ихъ питомцевъ, тотъ не броситъ камня осужденія на наставниковъ этихъ школъ. Отсутствие сколько-нибудь сносной бібліотеки, хорошихъ и толковыхъ учебниковъ по элементарнымъ предметамъ обученія, неправильныя ходенія въ школу учениковъ и чрезвычайно-скудное и необезпеченное положеніе учителей—вотъ неотрадныя явленія и принадлежности почти каждой сельской школы! Можно ли, при такой обстановкѣ школы, правильно и удовлетворительно вести обученіе въ ней? Истина извѣстная, что успѣхъ или не успѣхъ cadaго дѣла условливается благоприятными, или неблагоприятными внѣшними обстоятельствами. Поэтому нашему земству настоятъ надобность думать не столько о смѣнѣ прежнихъ (порядочныхъ) учителей, сколько объ устраненіи неблагоприятныхъ условій для учительства въ с. школахъ (1). Время и

(1) Наши с. учителя принуждены за одно съ поселянами вести тяжелый крестъ страданій отъ нищеты и крайней бѣд-

опытъ назнаменуютъ, въ какой мѣрѣ полезны и пригодны для наставнической дѣятельности прежніе воспитанники семинарій. Игнорировать же и отдалять ихъ отъ школъ за то, что они, съ бѣдными средствами, не оказали богатыхъ плодовъ,—неблаго-разумно. Нельзя впрочемъ сказать и того, чтобы прежніе народные учителя изъ воспитанниковъ духовныхъ школъ не оказывали и блестящихъ успѣховъ въ своемъ дѣлѣ. Это опять не лишне имѣть въ виду дѣтелямъ земства.

Съ особеннымъ вниманіемъ нужно отнестись земству къ теперешнимъ воспитанникамъ нашихъ семинарій, готовящимся между прочимъ къ учительству въ народныхъ школахъ и подающихъ большія надежды въ предстоящемъ имъ служеніи. Въ недавнее время, какъ извѣстно, въ кругъ семинарскаго образованія воцѣль курсъ чтенія Дидактики и Педагогика, съ практическими занятіями. Прямая цѣль этаго нововведенія та, чтобы основательно познакомить учениковъ семинаріи съ новымъ и болѣе рациональнымъ положеніемъ учебныхъ предметовъ и на опытъ (въ воскресныхъ школахъ) показать имъ примѣненіе къ дѣлу лучшихъ, плодотворныхъ, выработанныхъ теорій и практикой, пріемовъ обученія по разнымъ элементарнымъ отраслямъ знанія. По недавности указаннаго нововведенія трудно съ определенностію сказать, въ какой мѣрѣ важны, полезны

ности, съ упорнымъ постоянствомъ преслѣдующихъ ихъ и неослабно вести борьбу съ невыгодами своего положенія. Эта горькая и сущая правда до сей поры мало обращала на себя вниманіе земства. Между тѣмъ на ней-то первѣе всего должны остановиться заботы просвѣтителей народа.

и успешны будут труды подготовляющихся народных учителей. Но основываясь на печатно-опубликованных отчетах воскресных школ о состояніи въ нихъ обученія, можно утвердительно сказать, что воспитанники семинаріи серьезно и дѣльно приготавливаются къ учительской дѣятельности въ начальныхъ училищахъ. Два, три земства обратили на это должное вниманіе и учредили стипендіатство (при семинаріяхъ), въ надеждѣ пріобрѣсти и привлечь въ с. школы свѣжія и здоровыя силы. И они не ошибутся въ своихъ расчетахъ. Намъ кажется, что въ теперешнее время нельзя и требовать лучшихъ, опытныхъ и наиболѣе подготовленныхъ с. учителей. Говоримъ это не по узкому пристрастію, а по искреннему желанію видѣть въ народной школѣ дѣльныхъ дѣятелей.

Представивши нѣсколько соображеній для рѣшенія поставленнаго нами вопроса, считаемъ умѣстнымъ обсудить нѣкоторыя соображенія объ этомъ вопросѣ земскихъ собраній.

Задумавши поставить народное образованіе на какую-то особую высоту, многіе члены земства предположили образовать народныхъ учителей изъ самаго же народа. Съ этою цѣлію они проектируютъ открыть побольше педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій, гдѣ должны обучаться крестьянскія дѣти. Этихъ предположеній держатся очень многія земскія собранія. Спрашивается: состоятельны ли, умѣстны ли и практичны ли эти предположенія, ясные, — дѣйствительно ли самыми лучшими учителями народа могутъ быть только тѣ лица, которыя

непосредственно взяты изъ народной среды и которые получаютъ образованіе на педагогическихъ курсахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ?..

Не представляя прямого отвѣта на этотъ вопросъ замѣтимъ прежде всего, что мысль о выдѣленіи с. учителей изъ народной среды имѣетъ въ основѣ своей ту сословную исключительность и обособленность, которыя стараются ослабить и искоренить у насъ еще со временъ Петра 1-го. Неправильная въ основѣ эта мысль оказывается несостоятельною въ своемъ развитіи и примѣненіи къ дѣлу. Лица, одобряющія и защищающія проекты о выборѣ с. учителей изъ народа, имѣютъ въ виду съ одной стороны то, что народъ сочувственно отнесется къ своимъ (доморощеннымъ) учителямъ и слѣдовательно въ своему образованію, а съ другой—то, что сами народные учителя родные и симпатичные, усерднѣе и успешнѣе будутъ обучать своихъ собратьевъ по происхожденію, при чемъ не станутъ гложуть въ народной средѣ богатыхъ, умственныхъ дарованій... Если вникнуть въ сущность дѣла: то эти предположенія окажутся больше благовидными, нежели основательными. Думать, что народъ полюбитъ и любвеобильно приметъ въ свои школы людей своего званія,—значитъ допускать, что каждый пророкъ охотно и съ усердіемъ принимается въ своемъ отечествѣ. Нѣтъ, опытно-знакомые съ характеромъ и направленіемъ народной жизни люди (напр. баронъ Ю. О. Корфъ) открыто заявляютъ, что крестьяне имѣютъ уваженіе преимущественно къ лицамъ, стоящимъ выше ихъ среды и званія. И это въ порядкѣ вещей. Человѣкъ неразвитой всегда съ завистью и глухимъ недоброжелательствомъ смотритъ на замѣтное и быстрое повышеніе своего собрата по жизни и занятіямъ. На основаніи этого психологическаго явле-

нѣ можно заключить, что народъ, пожалуй, съ недоверіемъ отнесется къ предполагаемымъ народнымъ учителямъ. Народъ неразвитой упорно держится своихъ устоявшихся воззрѣній и привычекъ. Наше простонародье издревле освоилось и сжилося съ тою мыслию, что лучшимъ и единственнымъ учителемъ его можетъ и должно быть духовенство—и разубѣдить его въ этой, вѣками упроченной мысли, очень трудно. Итакъ первое предположеніе земства относительно довѣренности народа къ своимъ учителямъ шатко. Но если бы народъ и радушно принялъ въ свои школы присныхъ себѣ наставниковъ: то и въ такомъ случаѣ не лишне помнить, что умножать число учителей изъ народной среды, значитъ безъ особенной нужды и понапрасну отнимать у народа здоровыя и всегда полезныя и потребныя рабочія руки и притомъ „плодить и сформировывать въ народѣ новый классъ привилегированныхъ людей, свободныхъ отъ рекрутства, когда этихъ людей у насъ и безъ того очень много“ (1). Нельзя вполне ручаться и за то, чтобы с. учителя, выбираемые изъ народа, съ особенною охотою и успѣхомъ послужили народному образованію. Для этаго дѣла потребны не столько сословныя прерогативы и отличія, сколько образованный умъ, правильно развитое сердце, теплая и всеогрѣвающая любовь къ просвѣщенію, глубокое знаніе духовныхъ наклонностей, интересовъ, привычекъ и потребностей народа и значительный авторитетъ въ его глазахъ. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія полезными и пригодными народными учителями могутъ быть лица всѣхъ званій и состояній,—но преимущественно духовенство. Оно

(1) Совр. Извѣст. 1869 г. № 71.

владѣть значительнымъ богословскимъ образованіемъ, доказало дѣломъ и истинною своею склонностью и любовью къ народному образованію, имѣеть большой учительскій авторитетъ въ глазахъ народа, а главное—оно съ древнихъ временъ поставлено въ тѣснѣйшую и живую связь съ матеріальною, бытовою и религіозно-нравственною стороною народной жизни, а потому вѣрно и точно понимаетъ народныя потребности, склонности и интересы. О предполагаемыхъ же земствомъ народныхъ учителяхъ всего этого отнюдь нельзя сказать. Слѣдовательно пальму первенства въ обученіи и просвѣщеніи народа нужно предоставить не крестьянскимъ дѣтямъ, а духовенству (1). Быть можетъ, со временемъ, и крестьянскія дѣти заявятъ свои достоинства и успѣхи въ обученіи народа. Но это *pium desiderium*, которымъ не слѣдуетъ увлекаться и обольщаться. Цѣнѣе и существеннѣе то, что есть, а не то, что можетъ быть.

Желая вывести на учительскую дорогу крестьянскихъ дѣтей и отыскать между ними сильныя, даровитыя натуры, многіе члены земства настоятельно доказываютъ нужду и пользу повсемѣстнаго открытія педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Учрежденіе учительскихъ семинарій, уже не новое въ нашемъ педагогическомъ мѣрѣ, далеко не

(1) Можетъ показаться, что, отдавая преимущественныя права народнаго учительства духовенству, мы тѣмъ самымъ защищаемъ и охраняемъ его сословные интересы. Нѣтъ,—мы желаемъ только разъяснить и указать тѣ права и границы учительской дѣятельности духовенства въ народной школѣ, которыя оно выработало, купило и съ честью поддерживаетъ и можетъ поддерживать, при своемъ просвѣтительномъ вліаніи и трудахъ, но которыя, такъ или иначе, намѣренно или не намѣренно, забываются и неправильно понимаются нѣкоторыми членами земства.

излишне. Но доказывать ихъ несомнѣнную пользу, повсемѣстную пригодность и ничѣмъ незамѣнимую важность для народнаго образованія—пока нѣтъ основаній. Если мы обратимъ вниманіе на то, что для повсемѣстнаго открытія педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій потребуются громадныя издержки и расходы отъ земства и если при этомъ возьмемъ во вниманіе то, что воспитанники учительскихъ семинарій будутъ стоять, по своему образованію и учительскому умѣнью, не много выше, а пожалуй и ниже теперешнихъ воспитанниковъ дух. семинарій, гдѣ подняты и расширены предметы богословскаго, общаго и педагогическаго образованія: то мысль объ открытіи педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій должна потерять свою видимую прелесть, живучесть и практическую примѣнимость. Изъявляя желаніе открыть означенныя заведенія для образованія народныхъ учителей и въ то же время не рѣшаясь отнять у народа полезныхъ труженниковъ, нѣкоторые члены земскихъ собраній предполагаютъ срокъ учительской службы въ народныхъ школахъ—четыре года. Эта выдумка несообразительна. На опытѣ дознаю, что люди, прожившіе нѣсколько лѣтъ въ школь, безъ должнаго упражненія физическихъ силъ, и привыкшіе къ умственному труду отвыкаютъ отъ тяжелой физической работы и заработковъ и отрываются въ своихъ нравахъ, навыкахъ и образѣ жизни отъ своей домощенной (простонародной) среды. Спрашивается: куда же пойдутъ, гдѣ примкнутъ, въ какой средѣ—станутъ работать, послѣ роковаго срока обученія, народные учителя..?

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мнѣніяхъ членовъ земства, по которымъ с. учителями могутъ быть унтеръ-офицеры, деревенскія

женщины, или же воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній—университанты. Оба эти, діаметрально противоположныя и взаимно уничтожающія другъ друга, мнѣнія утопичны и неприложимы къ с. школамъ. Кто думаетъ и рѣшается гласно высказывать, будто с. учителями могутъ быть унтеръ-офицеры и даже деревенскія женщины, тотъ или вовсе не понимаетъ основъ, задачи и дѣла народнаго образованія, или смѣется надъ нимъ, какъ надъ нестоющею вещію. Давно пора понять и принять къ свѣденію, что кое-какъ выучить чловѣка читать и писать вовсе не значитъ дать ему образованіе, что грамотность сама по себѣ малоплодна и дешева, что она служитъ только внѣшней оболочкой и средствомъ, а не мѣриломъ и душой образованія. Каждый татаринъ обязанъ быть грамотнымъ и при каждой мечети существуютъ даровыя школы. Но кто же скажетъ, что татары отличаются умственнымъ развитіемъ и хорошею нравственностію? Много было тщедушныхъ грамотѣевъ и въ нашемъ простонародьи. Но что вышло изъ нихъ.?

Несообразительно и фантастично и то предположеніе, будто для народныхъ школъ нужны воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, которымъ слѣдуетъ назначить высокое жалованье (отъ 700 до 1000 руб.). Не видится прежде всего такой излишней суммы у земства, которая легко могла бы расходоваться на сельскихъ учителей. Не представляется, чтобы деньги могли привлечь въ деревенскую глушь лучшихъ, молодыхъ людей изъ высшихъ заведеній. Не думается, чтобы такого рода учителя были особенно полезны и необходимы для народныхъ школъ. Тамъ, гдѣ преподаются первоначальныя, элементарныя предметы обученія, не требующіе отъ преподавателя ихъ учености и высокой образованности,

тамъ съ успѣхомъ поведутъ обученіе и воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Люди же высшаго образованія тутъ ненужная роскошь. Притомъ человекъ, приобрѣтшій, въ стѣнахъ университета, наклонность къ рѣшенію высшихъ, научныхъ вопросовъ знанія и къ научной разработкѣ разныхъ предметовъ, едва ли съ любовью и преданностію займется скучною и до утомительности кропотливою работою обученія азбучному алфавиту, письму и другимъ предметамъ народныхъ школъ. Съ вѣроятностію можно заключить, что подобные учителя въ такой же мѣрѣ окажутся полезными въ с. школахъ, въ какой пригодны первоклассные артисты искусства для малообразованной и непонимающей ихъ толпы. Это своего рода *summa summarum* никакъ нельзя упускать изъ виду при проектированіи, выборѣ и назначеніи народныхъ сельскихъ учителей. Присоединимъ сюда и тѣ несомнѣнныя показанія опыта, что нашъ простой народъ до сихъ поръ недоувѣрчиво и подозрительно смотритъ на ученыхъ учителей и изысканныя школы, иронически называя ихъ барскими затѣями... Соображая все это, невольно приходишь къ тому прискорбному выводу, что многіе члены современнаго земства не уяснили себѣ и не поняли требованій народнаго просвѣщенія, а равно задачи, цѣли и характера дѣятельности народныхъ учителей и, отыскивая ихъ въ разныхъ, далекихъ сферахъ, смѣщаютъ очи предъ тѣми личностями, которые способны и готовы съ охотою и пользою посвятить себя высокому служенію на поприщѣ народнаго образованія,

Д. Изельковъ.

ИЗВѢСТІЕ.

О выборѣ благочинныхъ въ полтавской епархіи.

Полтавскій епархіальный съѣздъ обратился къ полтавскому преосвященному Іоанну съ слѣдующимъ прошеніемъ: Распоряженіями его преосвященства полтавская епархія впервые была ознакомлена съ выборнымъ началомъ, въ примѣненіи его къ службѣ благочинныхъ: какъ въ городѣ Полтавѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по случаю выбитія благочинныхъ, его преосвященство дозволилъ выборъ на ихъ мѣсто новыхъ, свободными голосами священно-служителей благочинія изъ среды своей. Какъ древніе предки ихъ, по разсказу лѣтописца, вкусивъ сладкаго, не хотѣли уже вкусить горькаго: такъ и они, вполне понимая превосходство новаго порядка назначенія благочинныхъ, не могутъ оставаться при прежнихъ порядкахъ и не могутъ не желать примѣненія новаго порядка въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и потому просятъ: 1) сдѣлать распоряженіе о перебаллотировкѣ всѣхъ прежде назначенныхъ благочинныхъ, исключая тѣхъ, которые выбраны благочиніями по распоряженію его преосвященства; 2) къ подачѣ голосовъ на такихъ выборахъ допустить и штатныхъ церковно-служителей, по одному отъ cadaго причта; 3) выборнымъ благочиннымъ назначить шестилѣтній срокъ службы, послѣ котораго опредѣлить новыя выборы».

Резолюція его преосвященства послѣдовала на прошеніи такова: «Предоставляю охотно право выбора благочинныхъ по всей епархіи самому духовенству въ полной увѣренности, что оно будетъ пользоваться этимъ правомъ разумно и по совѣсти. Я всегда готовъ былъ оказать это довѣріе духовенству и если не спѣшилъ повсюднымъ и одновременнымъ введеніемъ выбораго начала относительно благочинныхъ, то потому только, что желалъ дать время и будущимъ избирателямъ и ихъ избранникамъ постепенно подготовиться, возрасти и окрѣпнуть умственно и нравственно къ достойному пользованію предоставляемымъ имъ правомъ. Консисторія сдѣлаетъ немедленное распоряженіе о перебаллотировкѣ всѣхъ благочинныхъ въ епархіи на изъясненныхъ въ семъ прошеніи основаніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ благочинныхъ, которые утверждены уже въ этой должности по прежде допущеннымъ мною выборамъ духовенства. Число кандидатовъ на благочинническую должность отъ cadaго благочинническаго вѣдомства, должно быть представлено не менѣе трехъ. Баллотировка должна производиться закрыто»

Консисторія, дѣлая исполненіе по резолюціи его преосвященства, присовокупила и то еще, чтобы при представленіи баллотировочныхъ актовъ, были прилагаемы къ нимъ и свѣдѣнія о службѣ каждаго кандидата. Въ этихъ свѣдѣніяхъ должны быть означены: лѣта, гдѣ кто сбучался и окончилъ курсъ, въ 1-мъ или во 2-мъ разрядѣ, время, съ котораго священствуетъ, проходимыя должности, знаки отличія, семейство, бытность или небытность подъ слѣдствіемъ и судомъ. Лица, состоявшія или состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ, не могутъ быть избираемы въ должности благочиннаго.

Итакъ, полтавскую епархію можно поздравить съ выборнымъ началомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Конечно инициатива, какъ показываетъ дѣло, принадлежитъ здѣсь его преосвященству, но главнымъ двигателемъ—епархіальный съѣздъ. Это первое его благо, принесенное имъ духовенству скоро и рѣшительно, ясно и опредѣленно. Естественно думать, что выборное начало, введенное владыкою, современемъ само собою распространилось бы на всю епархію; но благо его не такъ живо чувствовалось бы тогда, какъ возчувствуется теперь епархіальнымъ духовенствомъ. Въ этомъ отношеніи епархіальный съѣздъ есть ближайшій совѣтникъ своего архипастыря и рѣшитель тѣхъ благихъ его предпачертаній, которыя невдуръ даютъ себя чувствовать.

(Совр. Лист.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

НОВАЯ ПРОГРАММА

ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ.

Робко и нерѣшительно выступила „Домашняя Бесѣда“ въ 1858 году на поприщѣ журналистики, не дерзнувъ даже принять на себя названіе періодическаго изданія, и уже въ 1859 году пошла по разсмотрѣнной св. синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія и Высочайше утвержденной программѣ. Рядъ великихъ событій, преемственно слѣдовавшихъ одно за другимъ, придавъ и журналистикѣ нашей болѣе оживленный характеръ, и „Домашняя Бесѣда“ не могла оставаться безучастною зрительницей и безмолвною свидѣтельницей всего происходившаго. Но, оставаясь подцензурнымъ изданіемъ и связанная весьма тѣсною программой, она зачастую встрѣчала препятствія въ изложеніи своихъ мыслей и убѣжденій касатель-

но многообразныхъ явленій жизни политической, гражданственной и соціальной. Въ послѣднее время это сдѣлалось для нея весьма ощутительнымъ, и „Домашней Бесѣдѣ“ угрожала опасность обратиться въ духовную, такъ что сама собою представилась необходимость измѣнить и распространить ея программу.

Стоя на рубежѣ двухъ литературъ, собственно церковной и свѣтской, и желая оставаться вѣрною разъ навсегда принятому ей строго-религіозному и нравственно-патріотическому направленію, „Домашняя Бесѣда“, подобно прочимъ собратамъ своимъ по журналистикѣ, съ настоящаго времени будетъ относиться съ возможнымъ участіемъ ко всѣмъ безъ исключенія вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни.

Новая программа, разсмотрѣнная, въ надлежащей части, св. синодомъ и утвержденная Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, открываетъ обширѣйшій кругъ дѣятельности для „Домашней Бесѣды“, обнимающій собою всю сферу человѣческихъ познаній, начиная отъ нравственно-догматическаго ученія Церкви православной до послѣднихъ явленій жизни обыденной. Такимъ образомъ, въ составъ „Домашней Бесѣды“ войдутъ:

1. Статьи, относящіяся къ догматическому и нравственному ученію Церкви православной, излагаемыя общепонятнымъ языкомъ.

2. Статьи, касающіяся внѣшняго положенія Церкви въ действующей на землѣ и православнаго духовенства.

3. Историческіе рассказы, описанія замѣчательныхъ событій въ нашемъ отечествѣ, а равно жизнеописанія знаменитыхъ людей, имѣвшихъ благотворное вліяніе на ту или другую сторону жизни народной.

4. Общія политическія обозрѣнія и частныя заграничныя извѣщенія, по руководству лучшихъ нашихъ газетъ и журналовъ.

5. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ сторонъ жизни государственной.

6. Судебная хроника по дѣламъ, имѣющимъ особенное какое либо значеніе и важность (безъ обсужденія рѣшеній и производства сихъ дѣлъ).

7. Статьи, относящіяся къ народному здравію, излагаемыя общедоступнымъ для пониманія языкомъ.

8. Литературные рассказы, съ строго-нравственнымъ направлениемъ.

9. Критическій разборъ книгъ и всякаго рода сочиненій появляющихся какъ внѣ, такъ и внутри нашего отечества.

10. Всѣхъ родовъ стихотворенія, съ строгою однакожъ, оцѣнкою ихъ содержанія и внѣшнихъ достоинствъ.

11. Корреспонденціи и всякаго рода объявленія, по примѣру другихъ газетъ и журналовъ.

Само собою разумѣется, что полное осуществленіе такой обширной программы, по всѣмъ указаннымъ рубрикамъ, въ еженедѣльномъ изданіи невозможно. Намъ только развязаны теперь руки, и мы можемъ писать обо всемъ, что входитъ въ сферу журналистики, не останавливаясь ни передъ какимъ вопросомъ жизни политической, гражданской и соціальной. Въ послѣднихъ трехъ выпускахъ ужь сдѣлана проба этому, и мы надѣемся, съ помощію Божіею, дать нашему журналу подобающій ему характеръ всесторонней домашней бесѣды. Намъ не удержитъ отъ этого ни трудность и многообразіе предстоящихъ занятій, ни увеличившіяся издержки по изданію, ни весьма умѣренная плата за наши труды: испытавъ одиннадцатилѣтнимъ опытомъ сочувствіе благомыслящей публики, мы надѣемся, что она не оставитъ насъ и на новомъ, болѣе обширномъ и болѣе трудномъ поприщѣ журнальной дѣятельности.

Подписная цѣна остается таже, именно: въ С.-Петербургѣ безъ доставки три рубля; съ доставкою на домъ четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою во всѣ города, мѣстечки и селенія Имперіи пять рублей.

Подписка будетъ приниматься въ теченіи всего текущаго года. Подписчики получаютъ всѣ выпуски, начиная съ перваго.

КАЛУГА. Въ Губернской Типографіи. Печатано съ разрѣшенія

цензуры.